

Международный научно-популярный журнал

ISSN 2073-333X

Наука и жизнь Казахстана

Қазақстанның ғылымы мен өмірі

№2 (56) 2018

Қазақстан Республикасы
Ішкі істер министрі, генерал-полковник
ҚАЛМҰХАНБЕТ ҚАСЫМОВ

ФИЛОЛОГИЯ - PHILOLOGY

Абдуова Баян Серікбайқызы	
ӘЛЕУМЕТТИК ЖЕЛІЛЕРДЕГІ ТІЛДІК ЭМОЦИЯЛАРДЫҢ БЕРІЛУИНДЕГІ СЫН МЕН СИПАТ.....	69
Бораш Баян Тәліпұлы	
АБАЙДЫҢ УШ ҚАЙНАРЫ ТУРАЛЫ АЛАШ БАСШЫЛАРЫ МЕН Қ.ЖҰБАНОВТЫҢ ҮНДЕСТІГІ.....	71
Бораш Баян Тәліпұлы	
ОБРАЗ ПРАВИТЕЛЕЙ В ФОЛЬКЛОРЕ ТЮРКСКИХ НАРОДОВ.....	75
Джолдасбекова Б.У. Еңсебай Г.Е.	
ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ КАРТИНЫ МИРА В ПОЭЗИИ П. ВАСИЛЬЕВА.....	78
Исаева Жазира Исақызы	
ЖАНР АНЫҚТАМАСЫНЫҢ ЗАМАНАУИ ФИЛОЛОГИЯЛЫҚ ПӨНДЕРДЕГІ КӨРІНСІ.....	82
Какжанова Ф.А.	
КАЗАХСКИЙ ЯЗЫК И КАТЕГОРИЯ ВИДА (АСПЕКТА).....	85
Каиржанов Абай Каиржанович.	
ПРОБЛЕМА «ОТЦОВ И ДЕТЕЙ» В ОДНОМ ЛИРО-ЭПИЧЕСКОМ ПРОИЗВЕДЕНИИ ДРЕВНЕТЮРКСКОГО ФОЛЬКЛОРА: КОГНИТИВНЫЙ АНАЛИЗ.....	87
Какжанова Ф. А. Дюжева А.С.	
К ВОПРОСУ МОДАЛЬНОСТИ И НАКЛОНЕНИЯ.....	91
Мәмбетов Жолдасбек	
ҚАЗІРГІ ҚАЗАҚ ПОЭЗИЯСЫНЫҢ ДАМУ БАҒЫТТАРЫ.....	94
Оралова Гүлзира Сапарқызы	
ЭПИКАЛЫҚ САНАНЫҢ ПОЭТИКАЛЫҚ СИПАТЫ.....	98
Сарсекеева Н.К., Афанасьев А.С.	
АКТУАЛИЗАЦИЯ АРХЕТИПА «ДОМ» В РОМАНЕ «ДОМ СКИТАЛЫЦА» Г. БЕЛЬГЕРА.....	101
Салқынбай Анар Бекмырзақызы. Ақжігітова Аққибат Орақбайқызы	
АХМЕТ БАЙТҰРСЫНҰЛЫНЫҢ ТІЛТАНЫМ МҰРАСЫ: ТАЛҒАМ ЖӘНЕ ТАЛАП.....	105
Ж.Х. Салханова. Д.С. Ибраева	
ПОЛИГЛОССИЯ И ЛИТЕРАТУРНОЕ ТВОРЧЕСТВО.....	105
Ю. Шамильоглу. Құлманов К.С. Нуртазина М.Б.	
ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫ ЖАСТАРЫНЫҢ ТІЛДІК ТҰЛҒАСЫ МЕН СӨЙЛЕУ МӘДЕНИЕТІ.....	112
Уразбаев К.Б. Пайзуллаев Е.Н.	
О КРИТЕРИИ ОЦЕНОК КАЧЕСТВА НАПИСАНИЯ ЭССЕ.....	116

ПЕДАГОГИКА ФЫЛЫМЫ - ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ НАУКА - PEDAGOGY

Асанова Ұлмекен Отарқызы	
РУХАНИ МҰРА – ТӘРБИЕ НЕГІЗI.....	119
Бейсембаева Алтынай Абдихановна	
АКТИВИЗАЦИЯ ТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТУДЕНТОВ В РЕАЛИЗАЦИИ СВОИХ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ УСТРЕМЛЕНИЙ.....	123
Бөрі Isa. Алимова Айсара Шайыпқызы. Манапов А.Ж.	
ҚАЗІРГІ ЗАМАН ТАЛАБЫНА САЙ ОҚЫТУ МЕН ТӘРБИЕЛЕУДЕ МУЗЫКА МҰҒАЛІМДЕРІНІҢ АТҚАРАТЫН ҚЫЗМЕТІ.....	127

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ КАРТИНЫ МИРА В ПОЭЗИИ П. ВАСИЛЬЕВА

Джолдасбекова Б.У

д.ф.н., профессор

Казахского национального университета им.аль-Фараби,
Казахстан, г. Алматы

Еңсебай Г.Е.

магистрант

Казахского национального университета им.аль-Фараби,
Казахстан, г. Алматы

Резюме: В статье рассматривается творчества Павла Васильева и художественные средства создания картины мира в его поэзии. Выявляются в его стихах метафоры, сложные метафорические контексты, наполненные глубоким философско-поэтическим содержанием и эпитеты через семантическую «плотность» слова, определяющие васильевский поэтический стиль. Поэтический мир Васильева отличает динамизм, действие, доведённое до предельной точки. Его лирика подвижна, картины окружающего мира ярки, пестры, шумны. Художнику претит статичность, одномерность, одноцветность. Самое замечательное в творчестве поэта состоит в том, что к какой бы теме он не обращался, она раскрывается как тема борьбы двух миров, противоборствующих социальных и природных сил.

Ключевые слова: поэзия, картина мира, П.Васильев, метафора, эпитет

Summary: The article examines the works of Pavel Vasilyev and the artistic means of creating a picture of the world in his poetry. Revealed in his verses metaphors, complex metaphorical contexts, filled with profound philosophical and poetic content and epithets, through the semantic "density" of the word, defining Vasilyev's poetic style. Vasilyev's poetic world is distinguished by dynamism, an action brought to the extreme point. His lyrics are mobile, the pictures of the surrounding world are bright, colorful, noisy. Artists hate static, one-dimensional, one-color. The most remarkable thing about the poet's work is that whatever topic he addresses, it is revealed as a theme of the struggle between two worlds, opposing social and natural forces.

Key words: poetry, world view, P.Vasilyev, metaphor, epithet

Түйін: Мақалада Павел Васильев шығармашылығы мен көркемдік тәсілдер арқылы поэзиясындағы ақынның ғаламдық бейнесі қарастырылады. Өлеңдерінен метафоралар, терең философиялық мазынадағы күрделі метафоралық контекстер және поэтикалық стилін айқындайтын эпитеттер анықталды. Васильевтің поэтикалық элементінде қарқындылық басым. Оның лирикасындағы элементік корініс жарқын, шулы. Ақынға тұрақтылық, бірқалыптылық жат. П.Васильев шығармашылығындағы ерекшелік ол қай тақырыпта қалам тербесе де, екі элементінде алеуметтік және табиги күштерге қарсы құрес тақырыбы ретінде анықталады.

Түйін сөздер: поэзия, дүниетаным, П.Васильев, метафора, эпитет

Нет оснований сомневаться в том, что художественная система любого большого мастера слова определяется его мироощущением, обусловливающим тематику, синтаксический и ритмико-интонационный строй, систему словоупотребления. Поэтический стиль Васильева отличает тяготение к точной образности, которая не отрывается предмет или явление от реальности, а наоборот, приближает к ней. Ощущение поэтом избыточности бытия порождает усиление напряженной энергии слова, тем самым оно приобретает «сгущенную» семантику, о чем неоднократно писали исследователи. Даже психологические переживания у него идут от конкретно-вещественного мировосприятия: «закат спокоен», «злая pena листьев» и т. д.

В этой связи необходимо дать общую картину стилевой направленности в поэзии 1920-1930-х годов. Е. В. Ермилова отмечала: «Этот поэтический период можно было бы назвать «переломным», если бы само понятие «переломность» не предполагало... от чего или к чему совершается перелом; в нашем бы случае выбор определения был бы затруднительным. Бессспорно то, что столкновение контрастных черт, «переломность» как таковая являются здесь фактором стилеобразующим» [1, 331].

В ранних стихах начинаящий поэт активно использует прием оксюморона, подтверждением чему могут служить некоторые строки из стихотворения «К открытке» (1926): «Тело тонкое по-небрежному / Распластала красиво так. / И контрастом к этому нежному / Напряженная хмурь в глазах» [2, 89]. «Распластала красиво»: сема красоты или изящества не содержитя в глаголе «распластала». Васильев любит подобными приемами ставить перед читателями смысловую загадку, нам нужно увидеть стихотворный образ под покрывалом нескольких оксюморонов. В данном четверостишии поэт напрямую говорит об изначально существующем противоречии в поэтическом образе. Он указывает на контраст между нежным, красивым телом и «напряженной хмурью в глазах». Возможно, что был реальный прототип, наделенный подобными качествами, но в любом случае это станет одним из излюбленных приемов Васильева в создании яркой образности.

Следует отметить еще одну черту авторского стиля: создание оригинального пейзажного образа. Почти в каждом стихотворении, где есть пейзажные зарисовки, автор прибегает к приему олицетворения, например, в стихотворении «Волны». Стихотворение посвящено моменту прилива. Полное олицетворение достигается применением эпитетов и метафор, которые относятся к смысловому ряду крайних эмоций человека: «Лизут... песок», «Яростью полные», «Рыдают у ног», «Не сорвав своей злобы, скрываются». В этом стихотво-

рении также встречаются простая и внутренняя анафора, что подчеркивает повторяемость прибоя.

С помощью таких художественных приемов, как олицетворение, метафора и гипербола, поэт передает необыкновенную жизненную силу явлений обновляющейся земли, это бьющая через край «горячая», «бушующая» энергия. Активно и широко автор использовал в зрелых произведениях слова с переносными, символичными значениями и создавал в рамках общих тем необычные, порой парадоксальные словосочетания, например: «ведро серебряного ржанья», «бушующий кумыс», «железная листва», «волчьи изумруды», «дремучие снега», «клубы багровой душной сирени», «судьба плечистая», «горячие песни», «медовые язвы», «ситцевые метели», «золотое тело», «яростное тело», «синие плечи» и т.д. Все это диссонировало с официальной литературой, рассчитанной на шаблон, монотонность и прозаизацию стиля. Искусное сочетание разных стилевых потоков придает произведениям Васильева особую оригинальность и неповторимость, что связано со стремлением поэта «натурально» запечатлеть огромный многокрасочный мир, соединить гражданский пафос и лирическую исповедальность, реалистическую конкретность и лирико-философские раздумья, романтику и народность. Тонкая наблюдательность, часто рефлексия, стремление отобразить не только определившееся сформировавшееся чувство, но еще не сложившееся и трудно определяемое словами, служат в значительной степени стимулом к усиленному эпитетному и метафорическому обрамлению объектов.

Вряд ли можно согласиться с К. Зелинским, который отмечал, что «удеятеренное чувство жизни» нередко приводило Васильева к натурализму и даже физиологизму. «Происходило это потому, что поэту порой не хватало понимания эстетического идеала и проникновения в жизнь, в душу человеческую» [3, 20]. Критик не заметил главного. Верно отметив, что доминантой художественного стиля Васильева является его огромная природная энергия, точная и яркая изобразительность, высокая степень интенсивности поэтического выражения; он не учел того обстоятельства, что именно материализация слова организует поэтику Васильева, проявляясь на разных уровнях поэтической системы. Поэтический мир Васильева отличает динамизм, действие, доведённое до предельной точки. Его лирика подвижна, картины окружающего мира ярки, пестры, шумны. Художнику претит статичность, одномерность, одноцветность, поэтому в различных художественных приемах присутствуют глагольные формы: «бушующий кумыс», «горячий воздух в небе дышит», «жгла... пурга», «камни стонут», «закат упал», «степь поднялась», осинник «пробежал».

Природный дар, талант молодого поэта позволили ему тонко и остро почувствовать атмосферу 1930-х годов, времени жизнеутверждающего оптимизма и жесткой деформации личности. Подобная антиномия приводила к тому, что во многих васильевских произведениях старый мир изображен негативно. Образ «ущербного» старого мира создается с помощью таких выражений, как «ослепшие звезды», «угасший полдень», «безрукие тучи», «криворукая судьба», «камни без песен и глаз», «ущербный свет сердец благих» и т.п. В художественном контексте Васильева возникает своеобразный синонимический ряд с доминантой «ущербный»: немой, незрячий, горбатый, кривой, неподвижный и т.д. Слово «ущербный», по наблюдению С.К. Шаймардановой, являясь наиболее емким по своему содержанию, приобретает в авторском употреблении глубокое обобщенно-образное значение, становится символом [4, 46].

Пространственно-временная структура художественного мира Васильева предельно материализована. Ощущение трагедийного состояния мира приводило поэта к воссозданию пограничности бытия. Символом подобного духовного «излома» становится у Васильева образ старого мира, который воссоздается с помощью таких лексем, как «тяжелый», «горбатый», «мертвый», « чахоточный», «старый», «сонный», «душный», «тесный» и т.д. В стихотворении «Октябрьский ветер» автор пишет: «Здесь сонные стены потупили взгляд, / Ржавея в обойной глухой золотухе». Пни: «Старый горбатый город - щебень и синева, / Свернута у подсолнуха рыжая голова, / Свесилась у подсолнуха мертвая голова...» («Город Серафима Дагаева»). О «тесном зверином уюте» поэт говорит в стихотворении «Мясники».

Все эти фрагменты воссоздают образ «мертвого» мира, что является свидетельством социально-нравственных потрясений, произошедших в этот период. Не только Васильев, но и многие другие поэты, пытались найти в новом мире некую опору, твердую почву. Человек оказался в смещенной системе ценностей, деформация которой изменила приоритеты, сделав релятивизм главной точкой опоры и единственной реальностью. Герой Васильева очутился в некоем временном провале, когда старое разрушено, а новое еще не создано, и нет никаких представлений о том, как и на каком фундаменте его строить. Отсюда вытекает драматизм художественной картины мира в поэзии Васильева, понимаемый как драматизм нравственного выбора.

Часто Васильев использует оксюморон, который в его творческом контексте перестает быть просто художественным приемом, а становится особенностью авторского слога, отражающей одну из сторон индивидуального миропонимания и мироощущения. Сопоставляя противоположные по значению слова различных частей речи и ассоциативно противоположные слова, поэт создает оригинальные словосочетания: «звериный уют», «незрячее солнце», «пыльный рай», «буран костра», «броженье свежей бруслики», «стужа горяча», «ласки грубы», «ветер сладкий до горечи», «шорох тишины», «могильная колыбель», «мальчишество берлога» и т.д.

Сочетаемость слов в контексте Васильева чрезвычайно широка: автор находит точки соприкосновения между словами различной предметно-логической соотнесенности: «дебри темноты», «скучающие от тоски иконы», «пряный обман», «оскал луны», «набухшее чрево дома», «рябая ночь», «трупы пухлых грибов», «железная листва» и др. Примеров подобного соединения несогласимого в произведениях поэта множество, они отчетливо прослеживаются в его художественном контексте, что свидетельствует о своеобразии авторского выбора в употреблении языковых средств. «Необычное, индивидуальное значение в художественном контексте П. Васильева развивается именно при соединении слов с далекими семами» [4, 50].

Писать стихи, творить для Васильева означало вымеривать «на ладонь, на ощупь, на вкус» значение мира, ему как художнику важны были «земляная сила», крепость камня, тяжесть плода. Идеал художника для Васильева был воплощен не в традиционном образе поэтической музы, а связан с образом каменотеса. В одноименном стихотворении поэт скажет: «В тростинку дуть и ударять по струнам? / Скудельное мне тяжко ремесло. / Нет, я окреп, чтоб стать каменотесом, / Искусником и мастером вдвойне». Слово у Васильева стало «звучащей и говорящей плотью». Создатель «Камня» в статье «Слово и культура» писал: «В жизни слова наступила героическая пора. Слово - плоть и хлеб» [5]. Тяжесть, тяжелый - важнейшие слова для поэта-скульптора, ваятеля - позволяют дать ощущение от предмета и явления, передать характер материала.

Концепт тяжести у Васильева многозначен: это «старый» и «чуждый» мир, и полнота жизненных сил, и родство человека с плодоносящими силами земли, бесконечное счастье и мучительная страсть. Описывая «древний быт» прошлой жизни, Васильев использует такие словосочетания, как «шали тяжелы», лампады тяжки, убранство тяжелое, мир прежних снов пропитан «тяжелым ядом», «тяжкая лапа», «тяжелые божьи скулы». В «Автобиографических главах» поэт скажет: «Дышал легко станичный город наш, / Лишь обожравшись - тяжко».

Тяжелый - слово изобразительное и выразительное одновременно, оно является маркером васильевской картины мира. Можно сделать вывод, что на основе данного концепта строятся развернутые метафоры, сложные метафорические контексты, наполненные глубоким философско-поэтическим содержанием.

Наибольшую выразительность поэтические сравнения в текстах Васильева приобретают тогда, когда в них оказывается связь со средой, в которой формировался поэт. Так, например, Васильев достаточно часто употребляет такие эпитеты, как «кривой», «сутулый», «косой» и т. п. В них отражен колорит степи и степного быта, характер человека. Автор разрабатывает целую систему эпитетов, в основе которой лежит сопоставление человеческого мира с природным. Например: «Ему видно было, / Как медленно / И шатуче / Подползло на них / Тулово кривоплечей горы» («Синицын и К°»); «Дом стоит на медвежьих ножках, / И хозяин в красных сапожках / На деревянных гнутых ногах» («Соляной бунт»); «Неподвижные камни, без песен и глаз, / Кривоплечие камни на наших дорогах» («Турксиб»). Используемые в васильевских произведениях разнообразные художественные средства и приемы способствуют передаче чувств и настроений героев, оказывают эмоциональное воздействие на слушателей.

В васильевских текстах четко выделяются излюбленные образы-символы, которым автор уделяет наибольшее внимание. Это в первую очередь символы стихийных начал: вода, ветер, огонь, степь (земля). При характеристике ветра Васильев использует такие эпитеты, как «горячий», «неистовый», «суровый», «шаловливый», «молодой», «тяжелый». Степь у него может быть «горькой», «желтой», белой от соли, «пыльной», «гулкой», «ковыльной» и т.д. Излюбленными образами поэта являются тополь, береза, камыш, осень. Тополь в произведениях Васильева наделен человеческими свойствами: он «поет», «раскрывает калитку» перед стадом коров: «Я вижу их, - они идут, пыля, / Склонив рога, раскачивая вымя. / И кланяются низко тополя, / Калитки раскрывая перед ними» («Павлодар») [5].

Лучшие произведения Васильева привлекают читателей не только музыкой слова, но и музыкой цвета. Следует отметить, что человек неодинаково воспринимает окружающий мир через разные каналы восприятия: самым активным является канал зрительного восприятия, поскольку именно через него проходит к человеку основная информация из внешнего мира. Казахстанская степь, «прочное» казахстанское небо дали толчок цветовому предпочтению, хотя значение желтого цвета шире степной реальности. В итоге у Васильева и слово Русь - «золоченое». Безусловно, можно выделить различные компоненты поэтической картины мира. Если учитывать все частности, то четко выделяются концепты дома, родины памяти, детства. Но при компонентном анализе текстов мы определили, что доминирует концепт степи, и часто именно от него зависит поэтическое оформление того или иного художественного образа. Мы уже говорили о том, что в компонентный состав образов ветра, заката, снега, птицы Васильев добавляет сему принадлежности к степному пространству. Таким образом, поэт пытается создать цельный гармоничный мир со своими законами, обычаями и бесконечным течением жизни.

Почти столь же важен в жизнелюбивой поэзии Васильева красный цвет, имеющий свои варианты и разную степень интенсивности: это цвет пламени и флага, окаянной любви и разбоя, птичьей смерти, зверского насилия, атмосферных явлений.

Красный цвет, в отличие от белого и черного, относится к хроматическим цветам и является наиболее амбивалентным символом. Все «красные вещи» обладают силой, так как кровь - сила, без нее человек уми-

рает. Сила - главное значение красного и этим объясняется его роль в качестве магического средства. Как символ веры, красный использовался и в качестве средства от сглазов и наговоров. Важную роль красный цвет играл в обрядах очищения.

В сочетании с белым цветом красный составляет так называемую «жизнеутверждающую пару», символизирующую добрые силы, могущество, почет, власть и богатство. Символическое значение красного объясняется его связью в сознании древних с кровью.

Белый - это отсутствие цвета, его игры. Недаром у Васильева рядом с белым гусем, белым туманом, белой пеной появляются белая пыль, белая соль, седая смерть - белый цвет говорит о безжизненности. Обесцвечивание, как и в мире природы, у поэта означает приближение старости, гибели живого. А с другой стороны, белый цвет символизирует благо, источник силы и здоровья, чистоту, жизнь, щедрость, является символом бытия, мира, жизни.

Цвет так же, как и звук, - стихия, пронизывающая все живое и неживое, он открывал художнику возможность выражения единства мира, его напряженного и цельного существования. Поэтому мир природы и людей определяют и дополняют друг друга: ягода уподобляется цвету девичьих губ, закат - множеству лисиц, подсолнухи - ребячим головам и обратно. Такая система взаимоопределения способствовала вживанию, чувствованию в большую плоть «немеркнущей жизни», субъективность автора сводилась к минимуму, рождалась истинная реалистическая поэзия, в которой материальный мир выражался непосредственно.

Необыкновенными красками в произведениях Васильева наделяется осень, которая рисуется им через серебро и синь листвы: «Сто ярмарок нам осень привезла - / Ее обозы тридцать ден тянулись, / Все выгорело золотом дотла, / Все серебром, все синью добела. / И кто-то пел над каруселью улиц...» («Август») [5].

В стихах поэта корни цветов осени роются в «золоте и пепле». Эти строки невольно заставляют вспомнить Пушкина с его «пышной природы увяданья». Так и у Васильева за пышным нарядом осени таится беспощадное в своей закономерности увядание. Вот почему у поэта «золото» соседствует с «пеплом», тема осени перерастает в вечную проблему жизни и смерти, о чем он скажет в поэме «Лето».

В сфере обонятельных эпитетов доминирует «горький»: горький ветер, пахучие поля полыни, пряный холод, терпкое воспоминанье. Действие поэтических сюжетов происходит в степи, во флоре которой преобладает полынь, имеющая сильный запах и горький вкус.

Из всего сказанного можно сделать вывод, что художественная мысль поэта разрешает себя через яркий образ, неожиданные эпитеты и метафоры, через семантическую «плотность» слова, определяющие васильевский поэтический стиль. В лице Васильева поэзия продемонстрировала синтез тончайшего лиризма с энергетической плотностью слова, связь слова с мифопоэтикой, что определяет творческую манеру поэта, своеобразие его художественной картины мира.

Литература

- 1 Е. В. Ермилова «Пафос освоения» и простота поэтического стиля / Теория литературных стилей: Многообразие стилей советской литературы. Вопросы типологии. - Москва, 1978. - 328-334с.
- 2 С. Тулмин Человеческое понимание - Москва: Прогресс, 1984. - 89с.
- 3 К. Зелинский Павел Васильев. Вступительная статья / Избр. стихотворения и поэмы. - Москва: Гослитиздат, 1957.
- 4 С. К. Шаймарданова Язык и стиль Павла Васильева - Павлодар: ТОО НПФ «ЭКО», 2001. - 88 с.
- 5 Васильев П.Н.: Стихотворения и поэмы; предисловие, составление, подготовка текста С.А. Поделкова. – Уфа: Башкирстан, 1976. – 216 с.